

© В.Г. БОГОМЯКОВ

boga2010@yandex.ru

УДК 165.8

ИЗМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГЕОПРОСТРАНСТВЕННОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. Теоретико-методологический арсенал геополитики в современных условиях представляется во многом исчерпанным. Однако безусловной заслугой классической геополитики является осмысление пространства, на котором разворачивается жизнь людей и развитие человеческого общества, и которое обнаруживает свойства силы, энергии, движущего начала. Пространство, по мысли основателей геополитики, целиком принадлежит Государству. Но географическое пространство принадлежит не только властным и административным структурам, но и людям, которые попросту неотделимы от этого пространства, без этого пространства невозможна их жизнь и оно выступает для них не только в качестве географии места, но и в качестве «географии ума».

Пафос пришедших на смену геополитике гуманистической географии, геософии, сакральной географии, геопэтики — это обретение человеком своего места на земле; места, имеющего глубокое, поистине человеческое значение. Гуманитарная география приходит к выводу, что мы все живем в палимпсестах множественных мест. Современная геософия стремится превратить географическое знание в науку о чудесах земли, которая требует от нас интуитивного и эстетического воображения. Геопэтика стремится к тому, чтобы быть именно творческой географией, дифференцирующей в пространстве не политические, но культурные процессы. Важнейшей частью современного геопро пространственного дискурса является травелог. Если травелог предполагает путешествие в неведомые земли, которых с наступлением «конца географии» практически не остается, то психогеография предполагает изменение сознания, в результате которого повседневные маршруты становятся удивительным и непредсказуемым путешествием.

SUMMARY. Theoretical and methodological range of geopolitics under current environment seems to a large extent exhausted. However, unexceptionable merit of classical geopolitics is the understanding of the space, where human life and human society development unfolds; this space reveals the properties of power, energy and impellent beginning. Space, according to the idea of geopolitics' founders, completely belongs to the State. Geographical space does not belong only to authorities and administrative establishments. It also pertains to individuals, who are inherent in this space, without which their life is impossible. It acts for them not necessarily as location geography, but as «mind geography» as well.

Pathos of humanist geography, geosophy, sacral geography, geopoeitics, which replaced geopolitics, represents a discovery by humans their location on the Earth; location of profound, truly humanistic significance. Humanist geography comes to a conclusion that we all live in palimpsests of diversified locations. Contemporary geosophy tends to transform geographical knowledge into science of the world miracles,

which requires our intuitive and aesthetic imagination. Geopoetics strives to be an exactly creative geography, differentiating not political but cultural processes in the space. The most important part of the contemporary geospatial discourse is a travelogue. If a travelogue presupposes traveling in unforeknowable lands, which as "geography gets to its end" practically disappear, psychological geography assumes consciousness change and as the result everyday itineraries turn to be a wonderful and unpredictable journey.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Геопоэтика, геопро странственный дискурс, пространство, психогеография, травелог, сакральная география.

KEY WORDS. Geopoetics, geospatial discourse, space, psychological geography, travelogue, sacral geography.

Уходит в прошлое традиционная геополитика: немецкая классическая геополитика с ее примитивной метафизикой, абсолютирующей фатальную борьбу Левиафана и Бегемота; англо-саксонская геополитика с ее одномерным прагматизмом [1; 69-70]. На ее место приходят более сложные способы осмысления взаимоотношений человека и пространства, такие как геософия, геокультура, геопоэтика. Развитие этих направлений стимулируется ожесточенным поиском идентичности во всех уголках современного мира, попытки осмыслить себя и пространство, в котором мы обитаем, в новом глобальном и человеческом контексте.

Геополитика занималась конструированием и репрезентацией геополитического пространства, которое не является простой проекцией географической карты, а само активно организует картографическое пространство. Чувство пространства в геополитической интерпретации имеет государственнический, этатистский смысл; пространство в геополитике выступает в качестве структуры, мотивирующей и определяющей политику государств, озабоченных установлением контроля над пространством, расширением жизненного пространства и т.д. Теоретико-методологический арсенал геополитики в современных условиях представляется во многом исчерпанным. Это касается и основных научных положений, выдвинутых в свое время данной дисциплиной, и ее социалдарвинистской методологии, приводящей к антигуманным и экспансионистским выводам. Классическая геополитика предстает в качестве своего рода квинтэссенции империалистического этатизма. Другим методологическим основанием геополитики является позитивизм, не оставляющий места для сакрального в жизни человека и общества.

Классическая геополитика мыслила эссенциалистски: Карл Риттер, стоявший у истоков геополитической мысли, стремился вытащить и описать уникальную сущность регионов, заложенную в них Богом. И по Ратцелю — государство есть единство народа с определенным пространством, обладающим определенными, только ему присущими характеристиками, которые обеспечивают и физическую эволюцию народа и его менталитет. Уже Поль Видаль де ля Бланш выдвигает концепцию поссибилизма, которая отходит от первоначального геополитического эссенциализма: то или иное пространство только предоставляет человеку разного рода возможности, но реализация которых зависит от воли людей и их сознательного выбора. Современные исследователи географических регионов склонны видеть в них не некие изначально данные сущности, но концептуальный инструмент, позволяющий нам эти про-

странства осмысливать. Однако безусловной заслугой классической геополитики является осмысление пространства, на котором разворачивается жизнь людей и развитие человеческого общества, и которое обнаруживает свойства силы, энергии, движущего начала. Пространство, по мысли основателей геополитики, целиком принадлежит Государству. Но географическое пространство принадлежит не только властным и административным структурам, но и людям, которые попросту неотделимы от этого пространства, без этого пространства невозможна их жизнь, и оно выступает для них не только в качестве географии места, но и в качестве «географии ума» (Ж. Делез, Ф. Гваттари), задающей символические модели, формирующие познавательный и эмоциональный опыт человека.

Пафос пришедших на смену геополитике гуманистической географии, географии, сакральной географии, геопозитики — это обретение человеком своего места на земле; места, имеющего глубокое, поистине человеческое значение. Мишель де Серто в своих талантливых произведениях пытается увидеть в пространстве нечто другое, чем зримый урбанстический порядок, создаваемый властью. Пространство, как место противостояния «тактик» и «практик» социальных агентов с макроструктурами власти, оказывается чем-то гораздо большим, чем «слепое пятно» технологий, науки и политики. Человек, осваивающий пространство, имеет возможность смотреть со стороны, испытывая экстаз от чуждого пространства. В повседневных человеческих практиках среди навязанных структур вслепую прокладывают ходы «иное» и «избыточное», открывающие человеку высшие смыслы его существования [2].

Гуманитарная география приходит к выводу, что мы все живем в палимпсестах множественных мест. При этом под палимпсестом понимается древняя рукопись на пергаменте, написанная по счищенному, еще более древнему письму. То есть всякое место бесконечно заново переосмысливается, интерпретируется, наделяется новыми значениями, вырастающими из элементов старого мифа, сама структура которого бесконечно «переделывается» [3].

Современная география стремится превратить географическое знание в науку о чудесах земли, которая требует от нас интуитивного и эстетического воображения, как об это писал один из основателей географии Джон Райт, возвестивший, что сирены неизведанных миров призывают к себе географов. В географии следует изучать не столько реальный мир, сколько идеальный. Осознание человека, его восприятие мира — важнейшие и интереснейшие области географического познания, которые ждут своих первооткрывателей. Подобное определение предмета географии стало радикальной ее переориентацией и потребовало новых методов исследования. Власть стремится по-своему организовать пространство, сделав его местом заключения или контроля, человек же хочет его сделать местом жизни и свободы. Повседневные человеческие практики освоения пространства могут менять характер самой власти, конституируя не иерархическое отношение господства, но этическое по своей сути «желание жить вместе».

К высшим смыслам человеческого существования обращается и сакральная география, для которой в пространственном бытии человека жизненно важными становятся святыня и тайна, а важнейшей бытийной ориентацией — сокровенное. Геопозитика стремится к тому, чтобы быть именно творческой географией.

ей, дифференцирующей в пространстве не политические, но культурные процессы. Геопозис выступает в качестве культурного самоопределения территорий, которое идет вне процессов государственно-политических и административных. В геопозитике сокровенное обнаруживается в результате соотнесения духовной картографии с картографией внешней, что определяет меру поэтизации действительности в процессе называния неназванных пространств, создания новых контекстов, структурирующих человеческую Вселенную. В геопозитике проявляется то, что Дюркгейм описал как «коллективное возбуждение», когда участники в общем движении получают навык общения с объектами и местами, возбуждающими чувство происходящего чуда. В нашей стране геопозитику развивает Игорь Сид, трактуя ее в качестве проектной деятельности, направленной на создание и изменение различных территориальных мифов. В 1995 году он открыл в Москве Крымский геопозитический клуб, который проводит международные конференции и выпускает сборники статей. Игорь Сид пишет о геопозитике (poieticos — творческий) как о новой гуманитарной дисциплине, должествующей исследовать возрастающее влияние культурных и, в первую очередь, творческих явлений на структурирование человеческой вселенной [4].

Важнейшей частью современного геопроостранственного дискурса является травелог. Путешествие имеет смысл, поскольку существуют Другие Места; мы не пересекаем гомогенное пространство, но движемся от одной гетеротопии к другой. Гомогенное пространство иллюзорно, как иллюзорно единое тело державы; признание единства государственного тела является важнейшим принципом этатистского сознания. Человек перемещается в пространстве или по маршрутам, намеченным властью и различными социальными дискурсами, или движимый «опытом самости», когда перемещение из места в место становится для него способом обретения идентичности, передачи духовного и культурного опыта и прочее. Образ Пути является важнейшим в мировой культуре: по целевому назначению он может быть классифицирован как средство формирования героя, способ проверки-испытания, исполнения клятвы (завета), проклятия и, наконец, как получение удовольствия от игры случая [5]. Путь соединяет и нейтрализует противопоставления: свой-чужой, внутренний-внешний, близкий-далекий, видимый-невидимый, сакральный-профанный [6; 249-252]. В отечественной традиции важное место занимает феномен странничества и страннической литературы, эксплицирующей поиски сокровенного в душе странствующего человека.

В настоящее время в условиях «конца географии» возникает новая асимметрия между экстерриториальностью власти и территориальной по своей природе «целостностью жизни». Ряд антропологических типов информационного общества (Бродяга, Фланер, Турист) [7] реализуют себя в процессе геопроостранственных перемещений, поэтому, травелог становится их речью, однако, качество данных геоперемещений зачастую оказывается туристически ограниченным, становясь движением среди равнозначных, равноценных и необязательных пространств. Разные виды перемещений в пространстве имеют различный уровень осознания своего пути и различный уровень познавательной активности субъекта. Травелог предполагает философское или художественное осмысление путешествий. На травелоги явным образом накладывает отпечаток личность путешественника, у каждого свой путь, определяющий культурно-историческую

оптику, динамику пути, путевые состояния, образы и стереотипы восприятия географических и культурных пространств. Автор травелога вынужден давать ответ на основные путеводные вопросы, раскрывающие смыслы, позвавшие в путь, и определяющие оптику рассмотрения проделанного путешествия. Человек формирует географическое пространство в процессе опространствления, представляющего собой выработку сознательной позиции по отношению к наблюдаемому пространству, а также выработку особых приемов наблюдения происходящих в пространстве событий, выстраивание различных пространственных контекстов.

Если травелог предполагает путешествие в неведомые земли, которых с наступлением «конца географии» практически не остается, то психогеография предполагает изменение сознания, в результате которого повседневные маршруты становятся удивительным, непредсказуемым и опасным путешествием, проверяющим и испытывающим героя. Преодоление маршрутов становится ритуализированным и выступает в качестве системы внерациональных символических действий. Психогеография придумана была в 1953 г. И. Щегловым. По его мнению новая цивилизация будет создана на основе конструирования ситуаций, что предполагает «игры с архитектурой, временем и пространством» [8]. Психогеографии оказывается присуща та самая «религиозная виртуозность», о которой писал в свое время Макс Вебер. Ги Дебор высказал в своих работах мысль об обновленной картографии, которую нельзя использовать в утилитарных целях.

Важнейшим психогеографическим понятием является понятие «угнетение средой». Оно близко по смыслу к категории «отчуждение»: современный город воспринимается как физически и идеологически угнетающая среда, приобретающая бесчеловечные, антигуманные черты. Ситуационисты полагали, что власть посредством городской среды контролирует, подавляет и манипулирует. Преодолевать «угнетение средой» предполагалось при помощи дрейфа, психогеографического метода, предполагающего «бесцельные» шатания по городу в попытке зафиксировать ощущения и идеи, вызванные урбанистической средой, отрешение от обычных мотивов ежедневных перемещений [9]. Ги Дебор писал, что участники дрейфа теряют стимулы для активного существования, любясь окружающей местностью и наслаждаясь случайными встречами. Дрейф предполагает «экстаз от чтения пространства» и от ощущения городских сил, действующих вне паноптического контроля. В дрейфе видели и революционную практику, и своеобразную медитацию, и форму терапии; но, по нашему мнению, дрейф интересен именно с точки зрения сакрализации восприятия окружающей среды и попытки выявить ее непосредственное влияние на сознание [10]. Важное место в психогеографии занимают так называемые психогеографические карты, которые должны были преодолеть функциональность и утилитаризм традиционной картографии. Ситуационисты считали, что психогеографические карты, призванные задокументировать неожиданные движения по городу, и чувства участников дрейфа могут помочь в революционной переделке социума. Особое внимание уделялось выявленным в результате дрейфа районам города, не оскверненным бюрократией, что предполагает, в свою очередь, своеобразное табуирование подчиненных бюрократии пространств.

Выводы.

1. Капиталом тесного, скученного 21 века, по всей видимости, будет пространство. Желание выйти на простор во все времена присуще человеку, но в ближайшее время оно будет осознаваться особенно остро. Как говорили философы XX века: в просторе таится событие. И, конечно же, таится оно сакрально! Событийность же — это и есть жизнь. Исчезает простор — исчезает жизнь.

2. Подобно тому, как в антропологии искусства различают зрение и видение (зрение пассивно; видение активно — предполагает осознание изображенного, сотворение смысла изображенного и проч.); люди научатся различать простое хождение и шествование, исполненное смысла. Так ходил Маяковский, для которого ходьба создавала ритм стихов. В книге «Откровенные ответы странника своему духовному отцу» шаги ритмизировали чтение Иисусовой молитвы. Для Кеннета Уайта пойти в путь значит «отправиться за листьями и ветром», оторваться от всяких привязанностей. По нашему мнению, этот момент в культуре будет усиливаться. Преодоление пространства может восприниматься как искусство. Скорее всего, в будущем мы сможем стать свидетелями развития искусства чтения пространства, чтения ландшафтов, которые наполнены разнообразными системами отношений. Преодоление пространства может служить терапией, может помогать избавляться от гипноза власти, которая по мысли М. Фуко, так легко может нас очаровать. Личностное отношение к пространству предполагает то, что человеку пространство открывается в его неизвестности, непредсказуемости и судьбичности. В эпоху «нюу эйдж» легко представить себе возникновение религиозных культов, связанных с преодолением разного рода пространств.

3. Идея Швейцера о «благоговении перед жизнью» может расширяться до идеи «благоговения перед пространством». Этика благоговения перед пространством может реализоваться лишь в индивидуальном выборе личностного отношения к пространству и личностного освоения пространства. Благоговение перед пространством, несомненно, выразится и в гуманизации современной архитектуры, которая отличается в настоящее время сугубой функциональностью. Благоговение перед пространством, несомненно, связано с драматизацией отношения человека к пространству, когда важную роль играют не только интеллектуальные усилия, но и чувства. Вполне вероятно, что в наше отношение к пространству на новом уровне вернется аксиологическое измерение, как это было в древние времена, когда у пространства был центр («ось мира»), и человек выделял участки пространства, обладающие наибольшей бытийственностью и космичностью.

4. Будет актуализироваться проблема нахождения человеком своего места в пространстве, при том, что в условиях глобализации каждому человеку станет принадлежать сокровищница мирового пространства. По мере очеловечивания пространства оно будет становиться для человека чем-то большим, нежели пустоеместилище материальных объектов. Вообще разрушение сознания эпохи индустриализма («индустр-реальности» в терминологии Э. Тоффлера) совершенно логично будет связано с устранением нивелировки социумом пространства и времени и с возвращением человеку собственного сенсориума и собственного оригинального бытия (в юнгианской традиции — поворот Я от персоны к глубинному Селф).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаев Б.А. Геополитика классическая и геополитика современная // Полис. 2011. № 2. С. 69-85.
2. Мишель де Серто. По городу пешком. URL: http://ecsocman.edu.ru/data/259/440/1218/6-Communitas_2_2005_Certeau.pdf
3. Митин И. Место как палимпсест // 60 параллель. 2008. № 4. Декабрь. «Идем на восток. Опыт самоопределения городов». С. 40-45.
4. Сид И. и группа «Полуостров». Основной вопрос геопоэтики // Первая конференция по геопоэтике. Москва. Крымский клуб. 24.04. 96. URL: <http://liter.net/geopoetics/penin.html>
5. Русаков В.М. Дискурс травелога: образ пути и Путника в мировой культуре // Дискурс травелога. Сб. стат. Авт.-сост.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург: ИМС — Издательский дом «Дискурс-Пи», 2008. С. 145-152.
6. Гурин С.П. Проблема маргинальности в философской и религиозной антропологии. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Специальность 09.00.13 — религиоведение, философская антропология и философия культуры. Саратов, 2003. 366 с.
7. Бауман З. Власть без места, место без власти. URL: <http://www.smolsoc.ru/index.php/2010-09-06-06-27-58>
8. Щеглов И. О новом урбанизме. http://psychogeo.spb.ru/page_44.html#more-44
9. Дебор Ги. Введение в критику городской географии. URL: http://psychogeo.spb.ru/page_34.html#more-34
10. Дебор Ги. Ситуационистские тезисы о трафике. URL: http://psychogeo.spb.ru/page_193.html#mor

REFERENCES

1. Isaev, B.A. Classic geopolitics and contemporary geopolitics. *Polis — Polis*. 2011. № 2. Pp. 69-85. (in Russian).
2. Michel de Certeau. Walking in the City. URL: http://ecsocman.edu.ru/data/259/440/1218/6-Communitas_2_2005_Certeau.pdf. (in Russian).
3. Mitin, I. Location as a palimpsest. *60 parallel' — 60 parallel*. 2008. December. № 4. «Going to the East. Experience of towns' self-determination». Pp. 40-45. (in Russian).
4. Sid, I. and group «Poluostrov». The principle issue of geopoetics. *Pervaja konferencija po geopojetike* (The first conf. on geopoetics). Moscow, April 24, 1996. URL: <http://liter.net/geopoetics/penin.html>. (in Russian).
5. Rusakov V.M. Travelogue discourse: image of a pathway and a Traveler in world culture. *Diskurs traveloga. Sb. stat.* [Travelogue discourse: Collection of articles] / Ed by. O.F. Rusakova, V.M. Rusakov. Eekaterinburg, 2008. Pp. 145-152. (in Russian).
6. Gurin, S.P. *Problema marginal'nosti v filozofskoj i religioznoj antropologii* (diss. dokt.) [The problem of marginality in philosophical and religious anthropology (Doct. Diss.)]. Saratov, 2003. 366 p. (in Russian).
7. Bauman, Z. Power without location, location without power. URL: <http://www.smolsoc.ru/index.php/2010-09-06-06-27-58>. (in Russian).
8. Shheglov, I. About new urbanism. URL: http://psychogeo.spb.ru/page_44.html#more-44. (in Russian).
9. Debord, G. Introduction to criticism of urban geography. URL: http://psychogeo.spb.ru/page_34.html#more-34. (in Russian).
10. Debord, G. Situational extracts about traffic. URL: http://psychogeo.spb.ru/page_193.html#mor. (in Russian).